

## Интересное в мире книг

Встреча: Мераб Мамардашвили — Луи Альтюссер [сб. / Ред. Е. М. Мамардашвили; предисл. А. Парамонова]. — М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2016. — 179, [2] с. — ISBN 978-5-9905505-9-9.

В настоящем издании представлены ранее не опубликованные фрагменты переписки двух философов: шесть писем Мераба Мамардашвили Луи Альтюссеру и восемь — Альтюссера периода 1968—1980 гг. С их именами неразрывно связан образ критической мысли 60—80-х гг. XX в. Они познакомились в далеком 1966 г. по инициативе М. Мамардашвили, который работал в то время в Праге в журнале «Проблемы мира и социализма». Поводом послужил выход книги Альтюссера «За Маркса», которая принесла автору мировую известность и обсудить которую шел в здание Высшей нормальной школы на улице Ульм в Париже Мамардашвили. Эта встреча положила начало дружбе, не ограничивавшейся только рамками профессиональных интересов, среди которых «тема Маркса», несомненно, была определяющей. Об этом в своей статье пишет Анни Эпельбоэн — многолетний друг и непосредственный свидетель их отношений. Один из сюжетов переписки — история неудавшейся публикации в журнале «Вопросы философии» статьи Альтюссера «Историческая задача марксистской философии», написанной специально для журнала по предложению главного редактора М. Б. Митина. В переписку о статье вплетаются майские события 1968 г. в Париже и ввод советских войск в Чехословакию 21 августа 1968 г. Другой составляющей фона становится нарастающее гонение со стороны властей на М. Мамардашвили, чем он делится в письмах весьма сдержанно. Переписка дарит возможность прикосновения к удивительному чувству стиля, выражающемуся в особенном отношении к языку как инструменту свободы. Об этой многослойности переписки (цитаты, аллюзии возникают в письмах как бы случайно, образуя своего рода эпистолярный троп) свидетельствуют подробные комментарии Виктории Лысенко, которыми она сопроводила перевод переписки. Кроме переписки в книге публикуется и другой архивный материал, например, распечатка неизвестного выступления М. Мамардашвили, в которой оказалось возможным опознать стенограмму обсуждения той самой неизданной статьи Альтюссера. Среди тем, поднимаемых

на обсуждении, — понятие структуры, структурной причинности и разработка нового понятия причинности, проблема гуманизма, теория идеологии и др.

В исследовательской части книги публикуются статьи, в центре внимания которых — направления развития, моменты общности и точки расхождения мысли наших героев, возможности перенесения введенных ими понятий и представлений в современные социально-политические и философские контексты. Так, Виктория Файбышенко в статье «Маркс без марксизма (Мераб Мамардашвили в 60-е годы)» прослеживает траекторию развития идеи «анализа сознания» у Мамардашвили, намечая точки значимых контактов с мыслью современников от Сартра до Лакана. Алексей Пименов в статье «Альтюссер и “русская идеология”» обращается к социальной философии французского мыслителя. Неприятие «гуманистической» интерпретации марксизма предопределило характер предпринятой Альтюссером попытки теоретического разграничения научных и философско-идеологических компонентов Марковского дискурса. Созданную Альтюссером концепцию «идеологических аппаратов» автор статьи использует для анализа трансформации советской идеологии в идеологию постсоветской России. Болгарская исследовательница Милена Николчина в статье «Превращенные формы и гетеротопическая омонимия: Альтюссер, Мамардашвили и проблема “человека”» рассматривает отношения профессиональной дружбы наших героев, с одной стороны, через призму теоретических дебатов вокруг дилеммы *гуманизм — антигуманизм* в прочтении Маркса, с другой — через рефлексию социально-политических изменений, происходивших в Восточной Европе. Автор подчеркивает траекторию эволюции представлений Мамардашвили относительно проблемы человека, соотнося с контекстом современных дискуссий о завершенности проекта «человек», о «животном гуманизме» и «антигуманизме» с целью подобрать ключи к пониманию философского усилия Мамардашвили.

Публикуемые в настоящем издании материалы, равно как и авторский взгляд современных исследователей на заявленные проблемы, приглашают к продолжению дискуссий и дальнейшему обсуждению не только профессиональных философов, но и всех, кому интересна история развития идей.

История тела = Histoire du corps: [в 3 т.] / Под ред. А. Корбена, Ж.-Ж. Куртина, Ж. Вигарелло. — Т. 3: Перемена взгляда: XX век / Ред. тома Ж.-Ж. Куртин. — М.: Новое литературное обозрение, 2016. — 458, [1] с., [8] л. ил., цв. ил., портр. — (Культура повседневности). — ISBN 978-5-4448-0536-7 (т. 3), 978-5-4448-0027-0.

Трехтомная «История тела», написанная французскими, британскими и американскими антропологами и историками культуры, всесторонне рассматривает телесные практики и репрезентацию тела в Европе — от Ренессанса до нашего времени. Третий том охватывает XX в., в котором человеческое тело стало едва ли не главным объектом, претерпевающим беспрецедентные страдания. В философской традиции из-за сильного влияния картезианства телу была отведена роль второго плана. В конце XIX в. отношения между субъектом и его телом начинают меняться. XX в. создал теорию тела, благодаря психоанализу Фрейда, когда через тело заговорило бессознательное. Был поднят вопрос о соматизации и открыта дорога к пониманию роли образа тела в воспитании субъекта, того, что получит определение «я-кожа». Затем Эдмунд Гуссерль выдвинул идею о том, что тело является «первоначальной колыбелью» любого значения. Во Франции через феноменологию и экзистенциализм сформировалась концепция Мориса Мерло-Понти о теле как «воплощении сознания». Новое открытие тела связано с областью антропологии, с понятием «техника тела», которое ввел Марсель Мосс, заметив во время Первой мировой войны, что британская пехота марширует иначе, чем французская, и роет окопы особенным образом. С конца 1960-х гг., с преодолением наваждения лингвистического структурализма, тело начинает играть в исследованиях главную роль. Во многом это связано с индивидуалистскими и эгалитарными движениями протеста против засилья со стороны культурной, политической и социальной иерархий, наследуемых из прошлого. «Наше тело принадлежит нам!» — вот возглас женщин, обозначивший момент, с которого тело помещается в контекст борьбы за права меньшинств. В теоретическом плане происходит ницшеанское переосмысление связи между телом и субъектом, которое получило радикальную трактовку в «Анти-Эдипе» Мишеля Фуко. Заслуга его в том, что отклик его работ можно найти в появлении тела в качестве объекта истории

менталитета, и в повторном открытии значения процесса цивилизации, проделанном Норбертом Элиасом, и в смещении акцентов в современных исторических исследованиях на жесты, манеры, чувственность и интимность. В третьем томе сохраняется преемственность по отношению к двум предыдущим. При прежнем внимании к вымыслам, образам и дискурсу, превращающим тело в культурный объект, сохраняется общий замысел — *выявить материальное тело*: тело органическое, из плоти и крови, тело как действующий субъект и инструмент социальных практик, тело субъективное, наконец, концепт «я-кожа» как материальную оболочку осознанных действий и неосознанных стремлений. В третьем томе рассматриваются вопросы, которые ранее были лишь намечены: например, тело монстра, тело солдата или преступника. Рассматривается формирование медицинского знания об организме, напряжение между желаниями тела, наделенного половыми признаками, и нормами социального контроля. Кроме этого, осмысляются неисчислимы страдания, порожденные кровавыми трагедиями и жестокостью XX в., а также наслаждения, которые предлагают зрителю искусство, кино, театр, трибуны, демонстрирующие современные метаморфозы тела. Происходят параллельные процессы: превращение индивидуального, неповторимого тела в незначительный элемент массы, в пищу войны и политических репрессий — и наряду с этим сексуальное и творческое раскрепощение, «профессионализация» спортивного и кинематографического тела, создающая его культ. Этот том рассказывает, как XX в. радикально изменил восприятие тела. В эпоху, когда быстрое распространение получают виртуальные тела, когда все глубже становятся визуальные исследования живых организмов, когда обмениваются кровью и органами, когда программируется воспроизведение жизни, когда обилие имплантатов стирает границу между механикой и органикой, когда генетика все ближе подходит к возможности репликации индивидуума, становится необходимым изучить и испытать границы человека.

Таким образом, исследование тела в наше время представляет собой способ *поставить вопрос антропологического характера о человеческой природе*. «Мое тело — это все еще мое тело?» История тела еще только начинается.

**Лисанюк Е. Н.** Аргументация и убеждение / Е. Н. Лисанюк. — СПб.: Наука-СПИКФ, 2015. — 398 с. — ISBN 978-5-02-038423-1.

Монография Елены Лисанюк заметно выделяется среди книг в области речевой коммуникации. Автор отказывается от позиции «аргументативного оптимизма», согласно которой успешный аргументативный спор всегда улучшает жизненные позиции участников, в пользу позиции «аргументативного инструментализма». Автора интересует не аргументация в качестве средства воздействия на людей, завоевания симпатий аудитории и множества других целей, но исследование аргументации как познавательной деятельности в инструментальном ключе. В учебниках логики использование правил аргументации обычно предполагает получение корректного доказательства или опровержения тезиса. Вместе с тем аргументация — это широкая сфера приложения различных теорий, и не только логических. В данной книге эта идея находит отражение в логико-когнитивной теории аргументации. В рамках формализованной теории аргументации выдвигаются три формальные теории для моделирования трех различных видов аргументации — обоснование, убеждение и практическая аргументация. Наряду с этим в книге используются элементы когнитивной и компьютерной наук для формулирования понятия когнитивного агента как участника спора и задания аргументационной структуры спора, а также элементы теории множеств — для построения определения позиции агента спора. В книге намеренно не обсуждается практика аргументации, т. е. ее социальные, культурные и психологические аспекты. В некоторых случаях обращается внимание на лингвистические, прагматические и риторические особенности, если они непосредственно связаны с аргументацией как познавательной интеллектуальной деятельностью. Автор опирается на идею когнитивного многообразия, которая позволяет отказаться от единой модели истинного знания, претендующей на объективность. В противовес этому автор считает, что позиция когнитивного агента в споре может быть сформирована на основе его знания и мнений, а в практической аргументации также посредством намерений, ценностей, целей и пр. В этом аспекте в качестве философского фундамента логико-когнитивной теории аргументации выступают оба ракурса идеи когнитивного разнообразия: экстенсиональный, который говорит о том, что люди обладают разными знаниями, и интенциональный, который настаивает на том, что способы получения и проверки знаний и мнений тоже различны. Еще одно концептуальное разграничение связано с двумя программами в исследовании

аргументации: как речевой и вербальной коммуникации — и как интеллектуальной деятельности. Сторонники первой фокусируют внимание на риторических, лингвистических и прикладных аспектах изучения аргументации, включая ее многообразные конкретные формы, например, визуальная и иная вербальная аргументация, этнические, культурные, политические и психологические ее особенности. Сторонники второй программы нацелены изучать формальные стороны процессов и процедур аргументации, такие как строение и особенности функционирования аргументационных структур, логические, теоретико-игровые, когнитивные, информационные и формально-онтологические аспекты. Автор придерживается второго подхода, хотя принимает с оговорками критику кооперативных моделей аргументации: такие модели отражают некоторые существенные характеристики взаимодействий рациональных агентов в процессе аргументации, без которых ее реализация как познавательного коммуникативного проекта невозможна. В качестве примера рассматриваются «кухонные дебаты», в ходе которых обнаруживается организационное и процедурное сотрудничество Н. Хрущева и Р. Никсона в диалоге, хотя они и сотрудничают в соревновательных и антагонистических целях. Таким образом, ключевой целью логико-когнитивной теории аргументации является выяснение состоятельности позиции агента спора, которая может быть тройкой, в зависимости от того, о какой аргументации идет речь. В книге показано, как связаны аргументация и истина, каким образом истина зависит от условий и выбора вида аргументации. Выделяется принципиальная разница между практической аргументацией, обоснованием и убеждением. В обосновании и убеждении агенты спорят о своих мнениях касательно фактов и ситуаций, а в практической аргументации речь идет о мотивах их действий и линиях поведения применительно к какой-либо цели. В ракурсе этой особенности автор считает практическую аргументацию акциональной аргументацией, а обоснование и убеждение — теоретической и пропозициональной. На основании этого автор делает вывод, что в некоторых аргументативных спорах истина действительно рождается. При соблюдении определенных условий это может на самом деле произойти в обосновании и убеждении. В практической аргументации этого не может случиться в принципе, потому что в такой аргументации обсуждают действия, намерения и линии поведения агентов в связи с некоторой целью, хотя это и делается посредством

утверждений, которым можно приписать истинное значение. Идея когнитивного разнообразия находит развитие в признании того, что единой универсальной теории аргументации не существует. Разные теории аргументации позволяют уточнить особенности того, каким образом люди могут эффективно совместно познавать мир, других людей и себя посредством изучения позиций друг друга, т. е. опираясь не только на свои знания и мнения, но и на знания и мнения других

людей. Это делает книгу особенно актуальной. Несомненное достоинство автора — ясность и доступность изложения, умение сложную формальную часть теории интересно и наглядно проиллюстрировать примерами «кухонного» спора Хрущева с Никсоном и спора Протагора с Эватлом, что возвращает философию на ее незаслуженно утраченный пьедестал. Несомненно, книга будет полезна для изучения и преподавания курсов по теории и практике аргументации.

Сост. канд. филос. наук, доцент Н. П. Кнэнт